

РОЗИНА Раиса Иосифовна
123592, Москва, ул.Кулакова,
д.12, корп.1, кв.3
тел.:(095) 498 95 43
email: rosinlev@mtu-net.ru
Российский государственный гуманитарный университет

ROZINA Raissa
Kulakova str. 12, korp.1, apt 3,
Moscow 123592, Russia
Tel. (095) 498 95 43
Email: rosinlev@mtu-net.ru

Р.И. Розина

КУЛЬТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА СЕМАНТИЧЕСКУЮ ДЕРИВАЦИЮ¹

Задача данной работы – рассмотреть, чем может определяться направление семантической деривации. Стимулом к постановке этой задачи послужили различные наблюдения над соотношением значений действия и происшествия у многозначных русских глаголов, – в частности, что в русском литературном языке происшествия регулярно образуются от действий (Падучева, 1994; см. по этому поводу Апресян 1995а:228 и 1995б:177 о глаголах, имеющих «намеренные» и «ненамеренные» значения), ср. *разорвал конверт – разорвал платье*, но допускается и обратное соотношение (Падучева 1998), ср. *Ветка стукнула в окно – Кто-то стукнул в окно*; а в русском общем жаргоне² именно последнее направление деривации является регулярным, ср. *толкнул ребенка – тачку ‘продал машину’³*. Ниже мы детально рассмотрим деривационные отношения

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке INTAS, грант 96-00855, и РФНФ, грант 99-04-00262а.

² В данной статье употребляется термин «общий жаргон», принятый в отечественной русистике, которому в американской лексикографической традиции соответствует термин «общий сленг» (general slang). Общий жаргон – это тот пласт современного русского жаргона, функционирование которого не ограничено рамками отдельной замкнутой социальной группы. Он употребляется (или, по крайней мере, понимается) всем городским населением. Существенно, что им владеют, в числе прочих, образованные носители русского литературного языка и что он с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации, через которые и распространяется (Земская, Розина 1994).

³ Все наблюдения над общим жаргоном основаны на материале словаря Ермакова, Земская, Розина 1999.

действий и происшествий и попытаемся показать, что направление семантической деривации с одной стороны отражает связи между денотативными ситуациями, а с другой – культурные нормы.

В ходе анализа мы будем обращаться к таким понятиям современной семантики и аспектологии, как таксономические категории глагола, в основе которых лежит представление о классах глаголов по З.Вендлеру⁴. В частности, мы будем оперировать такими таксономическими категориями, как действия и происшествия.

1. Действия и происшествия

Действия и происшествия различаются характером каузальных отношений между компонентами толкования⁵: это намеренная, или контролируемая, каузация у действий и ненамеренная, или неконтролируемая, у происшествий. За этим общим противопоставлением стоят, как минимум, два признака, по которым различаются действия и происшествия, а именно – характер Каузатора и каузируемого. Каузатор действий – целенаправленная деятельность Субъекта, чему в толковании значений действий соответствует компонент 'X действовал с целью', ср. толкование *разбить* в примере (1):

(1)...прокуратор, рассердившись, на него, *разбил* кувшин о мозаичный пол. (Булг.)

X разбил Y-а о Z.

До *t* Y был целым <презумпция>

Каузатор | в МН X совершил действие с Целью:

воздействовал на Y: привел Y-а в контакт с Z-ом

Каузация | это вызвало

Результат | Y не целый

⁴ См. об этом Падучева 1996: 103-110.

⁵ Ниже конспективно дается концепция различий между действиями и происшествиями, разработанная в рамках системы «Лексикограф» (см. об этом Падучева, Кустова 1994) и изложенная в Падучева 1994.

Y нанесен ущерб <имплицатив>

Поэтому Субъект действий всегда имеет семантическую роль Агенс, что предопределяет его таксономическую характеристику – это всегда лицо. Каузируемое у действий – результат, совпадающий с целью деятельности Субъекта.

Каузатор происшествий – событие (в толковании происшествий ему соответствует компонент 'произошло нечто'). Поэтому Субъект действий не может быть целеполагающим, т.е. никогда не имеет роль Агенс, и даже в тех случаях, когда в роли Субъекта происшествий выступает лицо, его деятельность не является Каузатором происшествия. Она составляет особый компонент толкования происшествия – экспозицию, ср. толкование *разбить* в примере (3). При этом каузируемое у происшествий – не результат, а последствие, как правило, связанное с некоторым ущербом либо для самого Субъекта, как в примере (2), либо для Объекта, как в примере (3):

(2) Стараясь за что-нибудь ухватиться, Берлиоз упал навзничь, несильно ударившись затылком о булыжник (Булг.)

X упал.

до t X находился в вертикальном положении <презумпция>
Каузатор | нечто произошло с X-ом
каузация | это вызвало
последствие | X находится в горизонтальном положении
X понес ущерб <имплицатив>

(3) Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила. (Пушкин)

X разбил Y-а о Z.

в t <МН X действовал с целью: поддерживал Y-а
<экспозиция>
до t Y был целым <презумпция>
Каузатор | в МН произошло нечто

каузация | это вызвало
последствие | Y пришел в контакт с Z-ом; Y не целый
Y понес ущерб <имплицитив>
Сб несет ответственность за ущерб

Но бывают и происшествия, в семантику которых ущерб не входит. Пример – перцептивные происшествия, т.е. происшествия, описывающие изменения не во внешнем мире, а в восприятии Наблюдателя, ср:

- (4) Тут перед глазами Римского *возник* циферблат его часов... Он припоминал где были стрелки. (Булг.)
- (5) Вот и лес *отвалился*, остался где-то сзади, и река *ушла* куда-то в сторону, навстречу грузовику сыпалась разная разность. (корп.)

2.0. Деривационные отношения в литературном языке

2.1. Происшествия как дериваты действий

Как уже было сказано выше, в русском литературном языке многие глаголы, являющиеся в своих основных значениях действиями, становятся происшествиями в производных значениях подобно *разбить* в примерах (1), (3). Другие примеры: *прорезать петлю – платье, залить водой картошку – пол, налить воду в кастрюлю – на стол, порвать письмо – рукав* и т.п. Рассмотрим механизм деривации происшествий от действий в литературном языке.

Главное преобразование при переходе от действий к происшествиям – появление в толковании компонента, характеризующего нового, нецелеполагающего Каузатора: 'нечто произошло с X-ом'. Дальнейшие шаги зависят от того, какую связь между ситуациями отражает семантическая деривация.

А. Семантическая деривация отражает сходство между двумя денотативными ситуациями, а именно сходство между физическим

результатом деятельности целепологающего Каузатора и последствием воздействия нецелепологающего, например:

- (6) а. Рыбак *пробил* лунку во льду ломом.
б. ...этот единственный осколок *пробил* заднюю стенку "виллиса", пропорол карту, которую в этот момент держал Синцов. (Симонов)

В этом случае в толковании происшествия сохраняется то, что относится к результату воздействия, и удаляется все, что относится к прежнему Каузатору: компонент характеризующий прежнего, целепологающего Каузатора, вытесняется новым каузальным компонентом, а Субъект меняет свою семантическую роль и таксономический класс – из Агенса он становится Пациентом происшествия, из лица – нелицом.

Преобразования затрагивают и компоненты, относящиеся к периферийным участникам, связанным с прежним Каузатором – таким, как Инструмент и Средство. Ведь само присутствие участников с такими ролями в ситуации возможно только если в ней есть Агенса – т.е. задается таксономической категорией действия (Fillmore 1968). Если в ходе деривации Субъект теряет эту роль, участники, имевшие роль Инструмент или Средство, должны быть либо удалены из толкования, либо получить новую роль. Неизменными остаются только роль и таксономический класс Объекта. Так образуется один из классов происшествий – **происшествия с Объектом**, ср. толкования действия и происшествия *пробить* из примера (6):

- (6) а. *X пробил Y в Z-е S-ом.*

До *t* Z был целым <презумпция>
в *t*<МН X действовал с целью:
воздействовал на Z с помощью S-а: резко, сильно
это вызвало
Результат| в МН в Z-е существует Y; тем самым Z не
целый <ассерция>

- (6) б. *X пробил Z.*

До *t* Z был целым <презумпция>

В t<МН произошло нечто:
X пришел в контакт с Z-ом: резкий, сильный
и продолжил движение
это вызвало
последствие | в Z-е существует Y⁶; тем самым Z не
целый <ассерция>
Z понес ущерб <имплицатив>

В толковании происшествия с Объектом появился новый, имплицативный компонент 'Y понес ущерб'. Дело в том, что воздействие нецелеполагающего Каузатора, внешне совпадающее по последствиям с результатом деятельности целеполагающего Каузатора, почти всегда наносит ущерб, либо потому, что неуместно, либо потому, что все-таки не совсем идентично результату деятельности человека (Падучева, Розина 1993). Ср., например, ситуацию, в которой человек захлопнул форточку, потому что ему холодно, и ветер захлопнул форточку, возможно в тот момент, когда всем душно, с шумом и т.п.

Б. Семантическая деривация отражает отношение производности между денотативными ситуациями: одна ситуация включает часть другой. В реальной ситуации, описываемой происшествием, нецелеполагающий Каузатор вмешался в деятельность целеполагающего и помешал доведению ее до желаемого результата, ср. пример (3). В этом случае при деривации происшествия сохраняются все компоненты толкования исходного действия, но компонент 'X действовал с целью', соответствующий прежнему Каузатору, Агенсу, выталкивается на более периферийную позицию в толковании – в экспозицию. При этом Субъект, так же, как в первом рассмотренном случае, меняет свою семантическую роль – становится Пациентом, но не меняет таксономического класса – остается лицом. Объект, так же, как и в первом случае, сохраняет и роль, и таксономический класс. Так

⁶ Y – отверстие.

образуется подкласс происшествий с Объектом – **происшествия с действующим Субъектом, или с Субъектом ответственности**. И в этом случае преобразования толкования имеют несколько следствий.

Первое из них – потеря компонентов, уточняющих цель и способ действия прежнего Каузатора, в результате чего он приобретает максимально обобщенный характер. Например, цель Каузатора *разбить* в примере (1) (совпадающая с результатом действия) определяется как 'сделать Y не целым', а способ действия – как 'X привел Y-а в контакт с поверхностью'. Способ действия Агенса может фиксироваться через указание характера используемого Инструмента (о способе см. Levin, Rapoport Novav, 1991).

Второе следствие – изменение семантической роли таких периферийных участников, как Инструмент и Средство, о чем уже шла речь. Так, участник 'поверхность' в примере (1) имел сдвоенную роль Инструмент-Место; этот же участник в примере (3) имеет простую роль Место; ср. также пример (7), где роль Инструмент заменяется на роль Пациенс:

(7)а. Она осадила послушную щетку, отлетела в сторону, а потом, бросившись на диск внезапно, концом щетки *разбила* его вдребезги. (Булг.)

б. Вчера она подметала пол и концом щетки *разбила* стекло.

Роль Средство обычно также заменяется на роль Пациенс, ср.:

(8)а. ...потом кому-то стало любопытно, что будет, если *залить* это водой. И *залили*. (Струг.)

б. Он забыл задернуть занавеску и *залил* весь пол водой.

Изменение ролей периферийных участников при деривации происшествия с действующим Субъектом от действия согласуется с потерей прежним Каузатором уточняющих его компонентов. Инструмент

и Средство – роли гораздо более специализированные, чем Пациенс: это определенные типы Пациенса, и когда происходит замена роли Инструмент или Средство на роль Пациенс, роли участников так же, как прежний Каузатор, приобретают максимально обобщенный характер. Поэтому можно утверждать, что семантическая модель деривации происшествий от действий включает преобразование, которое можно назвать **генерализацией толкования**.

На поверхностном уровне эти преобразования отражаются в изменении диатезы (о диатезе см. Падучева, настоящее издание) – периферийный актант становится факультативным и может вообще уйти за кадр, как в примере (9):

(9) Вчера мальчишки играли на поляне в футбол и *разбили* нам стекло.

Третье важное следствие вытеснения прежнего Каузатора – появление в толковании имплицативного компонента 'У понес ущерб', так же, как при деривации происшествий с Объектом.

2.2. Действия как дериваты происшествий

Обратное преобразование – действий от происшествий – в литературном языке встречается крайне редко. И естественно: происшествия обычно связаны с нанесением ущерба. Преобразование происшествий в действия предполагает замену каузирующего компонента 'произошло нечто' на компонент 'X действовал с целью' – и, тем самым, приписывание Субъекту намеренного нанесения вреда кому-то или чему-то, что, по-видимому, противоречит культурным нормам, которые выражает русский литературный язык. Существует только один тип деривации действий от происшествий, которые разрешаются литературным языком – семиотические действия.

Возможность деривации семиотических действий от происшествий

была отмечена в работе Падучева 1998 для глаголов производства звука, например:

(10)а. *Стукнуло* окошечко кассы, высунулся сердитый кассир и закричал. (Струг.)

б. Бескудников *стукнул* пальцем по циферблату, показал его соседу, поэту Двубратскому. (Булг.)

Очевидно, эта модель имеет более общий характер; например, такая же многозначность характерна для многих глаголов мимики и жеста, в своих исходных значениях описывающих непроизвольные реакции, ср. примеры :

(11)а. - О да, ты не похож на слабоумного, - тихо ответил прокуратор и *улыбнулся* какой-то страшной улыбкой. (Булг.)

б. Механики поглядели на него, рассеянно ему *улыбнулись* и снова склонились над бумагой. (Струг.)

(12)а. От испуга женщины вскочили и *замахали* руками.

б. Менеджер страшно нахмурился, прижал палец к губам, а потом *замахал* на Переца рукой. (Струг.)

Естественно, что деривация семиотических действий от происшествий должна быть обратно направлена по отношению к деривации происшествий от действий и включать, по контрасту с генерализацией толкования, его **специализацию**. Главный шаг деривации семиотических действий - в добавлении в толкование соответствующего новому, целеполагающему Каузатору компонента 'Х действовал с целью', который вытесняет из толкования компонент, характеризующий непроизвольного - нецелеполагающего - Каузатора происшествия. Цель уточняется в зависимости от тематического класса производного глагола: для семиотических действий цель состоит в том, чтобы дать нечто знать Z-у. Соответственно

изменяется семантическая роль участника, занимающего позицию Субъекта: из Пациенса он становится Агенсом. Но, как мы уже видели при анализе деривации «действие ⇨ происшествие», изменение центрального компонента толкования влечет за собой последствия для периферийных участников.

Источниками семиотических действий могут быть происшествия двух типов – происшествия с Субъектом, ср. примеры (11), (12) и и происшествия с Объектом, ср. пример (13):

(13) а. *Взяв щетку под мышку, Маргарита вошла в подъезд, толкнув дверь удивленного швейцара.* (Булг.)

б. *Маргарита под столом толкнула ногою мастера.* (Булг.)

Если источник семиотического действия – происшествие с Субъектом, как в примерах (11) и (12), то при деривации действия в ситуации появляется новый участник – Адресат, ср. *улыбнулись ему* в примере (11б) *замахал на Переца* в примере (12б) и толкования *замахать* в примере (12):

Женщины замахали руками.

X замахал Y-ом.

До t<МН X был неподвижен <презумпция>

Каузатор| в t<МН произошло нечто

Каузация| это вызвало

Последствие| В МН X совершает движения: Y-ом <ассерция>

Менеджер замахал рукой на Переца.

X замахал Y-ом на Z-а.

Каузатор| В МН X совершил действие с целью: <ассерция>

совершил движения Y-ом

тем самым

Цель/результат| X дал нечто знать Y-у

Y воспринял нечто <имплицитив>

Если источник семиотического действия – происшествие с Объектом, как в примере (13), то роль участника, занимающего позицию Объекта, изменяется: вместо Пациенса он становится Адресатом-Пациенсом, т.е. его роль делается более специализированной. Для семиотических действий, включающих компонент физического воздействия, как *толкнуть*, существенно место воздействия⁷, поскольку именно оно несет знаковую информацию. Поэтому в ситуации появляется новый участник – Мишень, а для глагола в этом значении становится возможной новая диатеза (ее можно назвать локативной) – ср. *толкнул локтем в бок*. Такая диатеза характерна для глаголов семиотических действий, независимо от происхождения, ср. непроизводные семиотические действия (*погладил по голове, поцеловал в лоб / в губы*) и семиотические действия, производные от физических действий: (*ударил по лицу / по плечу и т.п.*).⁸

Возможности свободно образовывать семиотические действия от происшествий в литературном языке можно также дать естественное объяснение. В основе семиотических действий лежат происшествия, не имеющие своими последствиями возникновение нежелательного физического контакта с нарушением целостности Субъекта или Объекта и другими видами ущерба. Это либо происшествия, приводящие к поверхностному физическому контакту (как в случае глаголов звука), либо непроизвольные реакции Субъекта, также не угрожающие его физическому благополучию. Если же семиотические действия образуются от происшествий с Объектом, связанных с ущербом для одного из участников, компонент ущерба в них неважен, так как цель Субъекта – передача информации, а ущерб, если он есть (например, боль, как в примере (13)), – лишь средство.

⁷ В терминологии семиотики – адаптер (Крейдлини 1999).

⁸ О роли падежной рамки в отнесении глагола к семантическому классу см. Atkins, Kegl, Levin 1988.

3.0. Деривация жаргонных значений

Образование действий от происшествий в русском общем жаргоне – регулярный способ семантической деривации. При этом жаргонные действия не являются семиотическими, ср. жаргонное значение глагола *толкнуть*, приведенное выше; ср. также:

засветить кого-то 'обнаружить чье-либо присутствие и обнародовать его против его желания': Все готово к провокации. Появляются рабочие в комбинезонах, Зинаида Михайловна первая *засветила* их: "Что же ты – комбинезон натянул рабочий, а туфельки лаковые оставил". (Изв. 04.08.94);

оторваться 'развлечься': особенно *оторвались* дети, которые решили, что этот праздник устроен именно для них (МК 28.12.93);

смыться 'незаметно уйти': Пока все успокаивали плачущего малыша, хозяйка со своим зверем потихоньку *смылись*. (Сев.-зап. округ, N 7 (63), 1997);

слинять 'уйти или уехать': На том конце провода – воображаемая родня, которая, не будучи дурой, *слиняла* давно на родной Брайтон. (МК 11.06.93)
и др.

Источниками жаргонных действий, так же, как семиотических действий в литературном языке, могут быть происшествия с Объектом (*засветить пленку* – *засветить кого-то*), и происшествия с Субъектом, (*пуговица оторвалась* – *мы оторвались*). Главный шаг в деривации жаргонных действий от происшествий – тот же, что и при деривации семиотических действий от происшествий в литературном языке: замена компонента, характеризующего Каузатора происшествия, на компонент, соответствующий Каузатору действия с сопутствующим изменением роли Субъекта с Пациенса на Агенс.

Второй шаг, как мы уже говорили, определяется тем, какую связь между ситуациями отражает деривация. В данном случае это сходство: между последствием происшествия и результатом действия; а тогда таксономическая характеристика участников должна измениться. И действительно, она меняется, но в направлении, противоположном тому, которое мы видели при деривации происшествия от действия. Естественно, что при деривации действия от происшествия Субъект из не-лица становится лицом, ср. пример (14), а также литературные и жаргонные значения глаголов *оторваться*, *смыться*, *слинять*. Преобразования могут затрагивать и таксономические характеристики других участников – например, у таких глаголов, как *засветить*, *наехать* (ср. пример (14)) и *накрыть* с не-лица на лицо меняется таксономический класс Объекта, но у этого свои причины, которые в данной работе мы не рассматриваем.

Существенное отличие образования жаргонных действий от происшествий от деривации «происшествие ⇨ действие» – сохранение компонента «ущерб». В литературном языке при образовании действия от происшествия имплицативный компонент «ущерб» утрачивается. Когда от происшествия образуется действие в общем жаргоне, этот компонент сохраняется, оставаясь имплицативом, например:

(14)а. Когда он перебежал улицу, на него *наехал* грузовик.

X наехал на Y-а.

Экспозиция | До $t < \text{МН}$ X действовал: перемещался

X не был в контакте с Y-ом <презумпция>

Каузатор | произошло нечто

Это вызвало

X пришел в контакт с Y-ом: <ассерция>

внезапно, резко <атрибутив>

тем самым X оказал воздействие на Y-а

Y понес ущерб <имплицатив>

б. На нашу фирму наехали.

X наехал на Y-а.

Экспозиция | до t Y действовал <презумпция>
X хотел, чтобы Y действовал по-другому <фон>
X совершил действие: <ассерция>
оказал воздействие на Y-а: словами / силой
Y понес ущерб <имплицатив>

Жаргон выражает иное мировоззрение, чем литературный язык. Он крайне эгоцентричен и намеренное нанесение ущерба другому, в частности насилие и деструкция, здесь не только не осуждается, но является нормой.

Итак, мы показали, что хотя в русском языке возможны оба направления семантической деривации – от действия к происшествию и от происшествия к действию, на нее накладываются культурные ограничения. В литературном языке не допускаются модели деривации, представляющие нанесение ущерба намеренным; в жаргоне, отражающем иное мировоззрение и предписывающем другие нормы поведения, именно такая деривация продуктивна.

Литература

Апресян Ю.Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995а.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995б.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999.

Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста // Образ человека в языке. М., 1999, с.170-185.

Кустова Г.И., Падучева Е.В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания, 1994, N 4, с.96-106.

Падучева Е.В. О парадигме регулярной многозначности (на примере глаголов звука) // НТИ/ВИНИТИ. Сер.2. 1998, N 4, с. 28-40.

Падучева Е.В. Принцип композиционности в неформальной семантике // ВЯ, 1999, N 5.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Падучева Е.В., Розина Р.И. Семантический класс глаголов полного охвата //ВЯ, 1993, N 5.

Падучева Е.В. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы // Russian Linguistics, 1994, vol. 18, с. 1-16.

Atkins S., Keggl J., Levin B. Building a verb entry: From linguistic theory to lexicographic practice // International j. Of lexicography, vol.1, N 2.

Fillmore Ch. The case for case // Universals in linguistic theory, N.Y. etc., 1968, p.1-88.

Levin B., Rappaport Hovav M. Lexical semantics and syntactic structures //Handbook of contemporary semantic theory. Oxford: Blackwell, 199?

Levin B., Rappaport Hovav M. Wiping the slate clean: A lexical semantic exploration // Cognition, 1991, vol. 41, p. 123-151.